

Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта.

Влияние Вальтер Скотта на континентальных писателей становится к 30 годам XIX столетия весьма значительным. Достаточно привести слова Гюго, сопоставлявшего его с Гомером, Карлейля утверждавшего, что «в современном поколении, ни в одной стране не было литератора, который пользовался бы равною с ним популярностью». «Его сравнивали с Шекспиром, он был гораздо популярнее Вольтера», свидетельствует Ип. Тэн. Известно как высоко ценили В. Скотта Байрон и Гёте, даже наиболее скептически относящийся к нему Гейне удивлялся «исполинской арфе шотландского барда», «взволновавшего все сердца Европы». Из учителей Пушкина страстно увлекался В. Скоттом Карамзин, переводил его Жуковский, из друзей Пушкина встречался с В. Скоттом Д. Давыдов.

Еще в 1825 году Пушкин рассматривает В. Скотта среди гениев, непосредственно после Шекспира и Мильтона, рядом с Байроном. Памятно зоркое констатирование Пушкина: «Вальтер Скотт увлек за собой целую толпу подражателей, но и они все далеки от шотландского чародея... Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности ¹⁾. К ненаписанной еще истории «действия» Вальтер Скотта на самого Пушкина мне хочется здесь прибавить еще одну страницу, вместе с тем представляющую, как мне кажется, и общий историко-литературный интерес.

Исследователи вопроса отмечают, что кульминационный пункт начавшегося еще в 20 гг. увлечения Пушкина «шотландским чародеем»—тридцатые годы. Помимо свидетельств самого поэта (в письмах) вот моменты этого влияния: «Два ворона» (1828 г.) и «The two Corbies» (замечание Ю. Г. Оксмана); ²⁾ эпизод из «Скупого Рыцаря» (ср. «Пертская красавица»—замечание Галахова); ³⁾ «Сцена между Самозванцем и наперником его Пушкиным напоминает сцену в «Lady of the Lark» В. Скотта; ⁴⁾ эпизод из «Роб-Роя» вводится в «Капитанскую Дочку» (Алексей Веселовский); ⁵⁾ тип Савельича, спи-

сан с Калеба из «Ламмермурской невесты» (впервые замечено Белинским); в той же «Капитанской Дочке» эпизод с Марией Ивановной напоминает эпизод с Дженни из «Эдинбургской темницы» (Галахов)⁶); тип старика Гринева и старый Дэвид Дийнс из «Эдинбургской темницы» (последнее отмечено М. Л. Гофманом)⁷).

Обыкновенно исследователями дается общее, подтверждаемое свидетельством самого Пушкина, утверждение—проза Пушкина складывалась под влиянием В. Скотта—шотландец-де «воскрешал нравы шотландской старины XVIII века, Пушкин—нравы русской старины XVIII века или под влиянием В. Скотта опознавал свое внутреннее природное влечение к простому русскому быту»⁸). Наконец, М. Гофманом отмечено заимствование некоторых формальных своеобразностей—«внешние приемы писания» («немало способствуют также впечатлению XVIII века некоторые внешние приемы Пушкина. Эпиграфы из народных песен и пословиц и писателей XVIII века—Княжнина, Фон-Визина, Хераскова,—калмыцкая сказка Пугачева, любовные куплеты Гринева—все это создает фон, на котором вырисовывается перед нами «роман на старый лад», все это придает известный колорит архаизма «преданьям русского семейства». Прием этот, заимствованный, главным образом, от В. Скотта, Пушкин довел до изумительного совершенства»).

Я остановлюсь здесь на незатронутом до сих пор вопросе—о влиянии В. Скотта на формальную сторону «Повестей Белкина», представляя ее как нечто органически формирующее сюжет.

I.

Характерно: в самом тексте «Повестей Белкина» ссылка на Скотта в самой первой из новелл «Гробовщике» (написан 9-го октября 1830 г.): «Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и В. Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутивными...» Это замечание Пушкина, как-то игнорируемое исследователями, ведет нас непосредственно к «Ламмермурской невесте» В. Скотта (глава XVI с эпиграфом из «Гамлета»)⁹).

Характерно вместе с тем, что и само предисловие к «Повестьям Белкина», как постараюсь показать ниже, представляет собою несомненную ассимиляцию композиционной схемы Вальтера Скотта, при чем детали этой схемы, мне кажется, чрезвычайно интересны—как показатель того, каким образом Пушкин, творчески претворяя западно-европейские формы, вводил их в обиход русского повествовательного жанра.

Мне приходится напомнить относящиеся к моей теме черты биографии Вальтера Скотта и его художественные приемы. Как

известно, судьба толкнула его на путь литературной мистификации¹⁰). В 1813 году он, уже известный поэт, анонимно выпускает своего «Веверлея» (Waverley), впервые вступая на этот путь¹¹) в прозе. Развивая в этом романе привычную композиционную тему, он дает здесь «послесловие вместо предисловия» и посвящение Мекензи в конце романа с подписью: «Неизвестный почитатель его гения». В следующем году он пишет «Guy Mannering» с столь же щекочущей любопытство читателя подписью: «Автор Веверлея». Так как в английском обществе уже появились догадки насчет неведомого романиста, то он вкрапляет следующую ремарку: «Считаю нелишним заметить, что эпиграф этого романа взят из «Песни последнего певца» с целью устранить выводы некоторых лиц, которые, замечая, что автор Веверлея никогда не приводил цитат из сочинения сэра В. Скотта, указывали на тождество этих двух авторов, как на самые вероятные объяснения подобного факта». Этим приемом Скотт впервые дает то, что я называю «формулой отречения», т. е. возводит некое новое композиционное построение, чтобы показать, что такой-то автор есть X, а не Вальтер Скотт! В 1816 же году появляется «The Antiquary», где в первые сочиняются Скоттом эпиграфы с обычной вымышленной под ними подписью: «Старая драма» или «Старая Баллада»; там же в конце предисловия намек на введение фиктивного героя. Одновременно выпускаются безыменно поэмы¹²). В конце того же года вышел особенно любопытный для истории интересующего меня вопроса цикл повестей, в котором Скотт повторяет ту же «формулу отречения», развивая ее на этот раз впервые в самостоятельный композиционный прием, послуживший впоследствии образцом для Пушкина, а дальше от него (как мне кажется) для Гоголя («Вечера на хуторе») ¹³) и позже в новом преломлении—для Лермонтова («Герой нашего времени»). Отмечу, что Печорин перед дуэлью читает именно «Шотландских Пуритан» (в черновике «Приключения Нигеля») Вальтера Скотта.

Вскользь эта связь, теперь совершенно забытая историками литературы, была отмечена Белинским, который писал в «Отечественных Записках» 1844 г. по поводу «Записок неизвестного, изданных Л. Брантом»: «Г. Брант хочет, чтоб его считали не сочинителем, а только издателем... Обыкновенная уловка многих гениальных писателей! В. Скотт приписывал свои романы ключарю какой-то сельской церкви; Пушкин, сочиненные им самим повести, издал под именем «Повестей Белкина» и даже с предисловием от лица мнимого Белкина; Лермонтов... хотел казаться только издателем «Записок Печорина» будто-бы случайно ему доставшихся через Максима Максимыча. Почему и Г. Бранту было не поступить таким же образом? Мы уве-

рены, что по примеру таких писателей, каковы В. Скотт, Пушкин, Лермонтов и Г. Брант, теперь все даровитые авторы будут прикидываться издателями собственных своих сочинений».

Повторяю, это замечание Белинского и его проницательный прогноз были брошены вскользь, не затрагивали самой сущности художественного приема, тем более не останавливались на анализе его деталей и поэтому остались незамеченными, а между тем путь к Вальтер Скотту был намечен совершенно правильно. Конечно, В. Скотт не является последней инстанцией в традиции этого приема. На самом В. Скотте сказалось прежде всего несомненное влияние любимого им Сервантеса. Последний в Прологе к «Дон Кихоту», как известно, заявлял: «Я, который, хотя и кажусь отцем, лишь только отчим Дон Кихоту». М. В. Ватсон так комментирует это замечание: «Подобно тому, как во многих рыцарских книгах авторы их часто говорили, что они переведены с греческого, так и Сервантес намекает здесь на Сиду Амета Бененхели, подложного арабского автора, с которого, по его словам, он будто бы перевел на испанский язык «Дон Кихота»¹⁴).

Помимо «рыцарской» традиции мне кажется возможным указать также на традицию восточную, на европейской почве на предисловие к «Персидским письмам» Монтескье, на «Citizen of the World» и «Chinenses Letters» Гольдсмита (кстати сказать, и Байрон, создавая своего Гарольда-двойника, ссылался в 1818 г. на этот источник). Сюда же должно быть отнесено «Vorbericht» в «Hexameron von Rosenhain» (1805) Виланда и ряд предисловий Ж. П. Рихтера (в «Hesperus oder 45 Hundspostage» (1795) и «Auswahl aus Teufels Papieren» (1789)). Откуда явилась эта традиция фиктивных издателей раскрывает сам В. Скотт в предисловиях к своему «Монастырю» и в биографии Гольдсмита.

Пристальный анализ, однако, доказывает, что не к Монтескье, как ни к какому другому источнику, а именно к В. Скотту обращался в данном случае Пушкин¹⁵). Дело в том, что только в произведениях В. Скотта мы находим всю совокупность прихотливых приемов, связанных с образом фиктивного автора, у других писателей никогда не встречающихся вместе. В. Скотт собрал все эти разрозненные приемы воедино, дополнил, усложнил их собственной изобретательностью и в таком виде, через В. Скотта, сполна они были усвоены Пушкиным.

Эта система приемов у Скотта заключается в следующем. Вся серия рассказов озаглавляется: «Веверлейские новеллы» и «Рассказы моего хозяина» (Tales of my Landlord, first serie)¹⁶), но, помимо фиктивного образа хозяина, дается еще образ Питера Паттисона, младшего учителя в селе Гандерклейге,

который собрал эти рассказы. Мало этого, вводится еще третье подставное лицо, издавшего рассказы старшего учителя той же школы Джедедайи Клейшботама¹⁷). Этому приему я даю название ступенчатого (лестницы):

Рассказчик,

Собиратель рассказов,

Издатель рассказов,

где каждая ступень — новая ступень, заволащивая в лабиринт мистификации в направлении — от автора.

В романе «Пуритане» (1816 г.) дается интродукция Клейшботама с ссылками на Паттисона. Введение посвящено тем же лицам. Примечания (как и всюду в этом цикле) даются за подписью «Jedediah Cleishbottam», или: «J. K.» (Ср. Пушкинское: «А. П.» и Гоголевские «Замечания пасичника под текстом»). «Формула отречения» детализируется — композиционная рама охватывает все произведение, концовкой является послесловие от имени того же фиктивного героя. То же самое имеем и в «Черном Карлике» (примечания к главе I, упоминания в тексте)¹⁸). В 1817-18 гг. издан анонимно «Rob-Roy», где композиционным трюком является конец: «тут рукопись обрывается» и т. д.

В 1818 г. выходит второй цикл «Рассказов моего хозяина» («Heart of Midlothian» — «Сердце Лотиана» или «Эдинбургская темница») и здесь находим обширное предисловие Клейшботама, его примечания к I главе и его «Послесловие». Скотт уже увлечен созданным им жанром предисловий, с фиктивными людьми, мнимыми письмами, вымышленными ситуациями по типу «лестницы». Локгарт приводит даже его частное письмо по поводу «Роб-Роя» с подписью «Джедедайя»¹⁹). В 1819 году в третьей серии появляется «Ламмермурская невеста» (об этом романе в связи с Пушкиным — выше). Здесь во введении Скотт уже признается: «немногим была известна моя тайна, пока я писал эти рассказы» и вся глава первая посвящена игре фиктивными персонажами. Они же упоминаются в тексте и примечаниях (глава XXII).

В «Легенде о Монтрозе» (в той же серии) Клейшботам является в предисловии, дает о себе знать в примечании к главе IX и, наконец, разоблачается в заключительном обращении В. Скотта к читателю²⁰). Прощаясь с фиктивным героем В. Скотт ведет здесь его родословную к персонажам Марии Эджворт.

В 1819—20 г. пишется «Ivanhoe» — роман весь насыщенный таинственностью передеваний и построенных на них эффектов, полный скрыванием имен, сплетающихся в прихотливую

интригу псевдонимов. Здесь создается новый ряд фиктивных героев: Темпльтон с его примечаниями и доктор Драйагдуст. Во введении находим замечание: «Повествователь не скрывает, что мистер Темпльтон лицо вымышленное и выведенное с целью дать читателям предлог думать, что они имеют перед собою произведение какого-либо нового автора». Подчеркиваю, что «Ивангоэ» (Айвенго) с его столь типичным для всего жанра предисловием имелся и в библиотеке Пушкина (на английском), да и вообще как самый знаменитый роман В. Скотта не мог не приковывать к себе особенного внимания. К этому же роману дается выдержанное в удивительном реализме фиктивное письмо. В 1822 г. Скотт пишет «The fortunes of Nigel», где развит и обнажен тот же самый прием, на чем я остановлюсь подробнее ниже.

В 1823 г. выходит «Певериль Пикский» с предисловием, где появляется в юмористическом виде сам «автор Веверлея», беседующий с Драйагдустом. Там же вводится новая фикция — капитан Клуттербук, дается письмо к нему. Здесь же В. Скотт упоминает о романах В. Ирвинга, выпущенных в 1816 и 1822 гг. под псевдонимами, с посвящением ему — В. Скотту. Четыре тома «Певерилы» сохранились в библиотеке Пушкина на французском языке. Те же приемы в «Редгонтлете» (1824) и «Талисмане» (1825).

В «Вудстоке» (1826) дается предисловие с отводом: «пишущий эти строки, священник и школьный учитель Вудстока...»²¹). Тон мистификации кой-где сквозит и в «Канонгэтских хрониках».

В 1827 г. В. Скотт раскрывает свой анонимат в предисловии к «Канонгэтским хроникам» и там же вскрывает его мотивы. Этим предисловием, между прочим, интересовался кн. Вяземский. Пушкин мог знать его во французском переводе. В русском предисловие опускалось. В 1829 г. даются «Веверлейские романы с новыми предисловиями и примечаниями» («Waverley Novels with the New Introduction and Notes»). Характерна здесь, еще в 1829 г., установка внимания: предисловия и примечания становятся самостоятельным жанром. Возведенные в прием, они находят себе место в самом заглавии. В 1831—32 г. последняя 4-я серия «Рассказов моего хозяина»²²).

Несмотря на шумную известность, писатель мистификацию свою продолжал поддерживать и, только давая предисловие к общему собранию своих романов, раскрыл тайну своих псевдонимов. Известно, что, мистифицируя публику, он даже давал рукописи в переписку, чтобы скрыть свой почерк. Необходимость и творческая игра художника здесь совпадают. Невольно вспоминается, как Пушкин просит Погодина переслать не его рукою переписанного «Героя». Более того, Скотт сам писал критики на некоторые из своих романов, для вящего «отречения» от них

и сбивания литературных критиков с верного следа (так Пушкин сам делал объявление о Феофилакте Косичкине), хотя очень рано в литературных кругах «Великий Незнакомец» был раскрыт. (Существует целая литература гипотез об авторстве его романов. М. Адольф стилистическими параллелями и анализом обнаруживал тождество анонима и В. Скотта. На континенте, по признанию самого Скотта, еще раньше тайна перестала быть тайной.)

Таким образом, в продолжении всей своей литературной деятельности Скотт, первоначально боявшийся уронить свою карьеру юриста званием романиста и, главное, В. Скотт — художник, по его собственным словам, обладавший особенным «органом тайны», не оставлял излюбленного приема. По выражению Карлейля «в воображении всех автор был каким-то живым мифологическим лицом, поставленным на ряду с семью чудесами света».

Вместе с тем необходимо отметить, что прием этот был подхвачен литературой континента. Укажу хотя бы на автора «Вечеров Вальтер Скотта» — Жакоба Библиофила (псевдоним Поля Лакруа), интерес к которому столь силен и в русском обществе 30 гг. XIX ст.

В русской литературе общественные условия еще в XVII — XVIII вв. толкали к псевдониму (роман, журналистика, Екатерина, Новиков, Херасков) — формы его нередко приближаются к западным. Но властно Вальтер Скоттовский прием псевдонима возведенного в художественный образ, со всеми Скоттовскими ухищрениями («формула отречения», прием «лестницы», эпиграфы, примечания, рама) был перенесен на русскую почву и трансформирован впервые Пушкиным. Повторяя Скоттовские мистификации, Пушкин мог быть доволен судьбой своих шуток — они были восприняты так же как и их английские предтечи вплоть до аналогичных бытовых курьезов.

Показать все это — цель настоящей работы.

Для того, чтобы вскрыть то, в чем я вижу аналогию между Вальтер Скоттом и Пушкиным, мне необходимо показать, что Пушкин действительно фактически мог быть знакомым и был знаком со Скоттовскими приемами.

II.

Вальтер Скотт в России становится известен с самого начала 20-х гг. XIX в. (первый его перевод на русский язык появился в 1820 г. в «Вестнике Европы»). К июлю 30 г. было уже 35 переводов²³), «большой частью безобразных и чудовищных», по словам Белинского. Еще в 1827 г. литературное внимание фиксировалось на мистификациях шотландского поэта. В «Северной Пчеле» за 1827 г. находим две главы из Вашингтона Ирвинга со сле-

дующим примечанием переводчика: «...под личиною знаменитого незнакомца скрывается общий их знакомец (по крайней мере по своим сочинениям), сир Вальтер Скотт. Шутка сия тем остроумнее, что тайна неизменного сего анонима ни для кого уже не тайна; а все еще в угоду ему мы должны думать будто бы он неизвестен. В. Скотт нисколько не рассердился на сочинителя за эту шутку и сам отшучивался довольно пространно в предисловии к своему роману «Певериль Пикский». Начертанный им в сем предисловии собственный свой портрет не вовсе сходен с портретом толстого господина»²⁴).

Еще ранее в «Московском телеграфе» 1826 г. Полевой помещает целую статью «Вальтер Скотт и его сочинения» и также поддерживает внимание на излюбленном приеме Скотта: «Шотландские Пуритане» (Old Mortality) и «Таинственный Карло» изданы под именем Джедедии Клейшботама, дьячка в приходе Гандер Клейгском. В то же время неизвестный «сочинитель Веверлея» издал «Роб-Роя»; кажется как будто В. Скотт хотел показать, что Д. Клейшботам был совсем особенное лицо от «Сочинителя Веверлея» (курсомой. Д. Я.). Так под именем Джедедии вышли один за другим романы: Эдинбургская темница, Невеста Ламмермурская и Легенда Монтроза. В сем романе Джедедия раскланялся с читателями, уверяя, что он не будет писать более. Пять романов, изданных под сим именем, известны еще под названием «Рассказов моего хозяина», ибо Джедедия уверяет, «что все им написанное есть рассказы словоохотливого хозяина, у которого он гостил».

Там же замечание: «Мы должны сказать о странности некоторым читателям неизвестной. Хотя все уверены, что В. Скотт есть точно сочинитель 22 романов, изданных под его именем во Франции и других переводах, но должно знать, что в английских подлинниках донныне никогда его имя не выставляется». Об «инкогнито» В. Скотта писалось и в июльской книжке «Дамского журнала» за 1829 г.

Конечно, совершенно немислимо, чтобы все эти замечания остались неизвестными Пушкину — постоянному читателю — сотруднику этих журналов, особенно при его исключительной заинтересованности В. Скоттом. Подчеркиваю, что доказано «влияние» именно тех романов Скотта на Пушкина, в предисловиях к которым особенно ярко фигурирует Клейшботам. Наконец, в современных Пушкину французских изданиях В. Скотта (к которым Пушкин, по крайней мере, первоначально обращался) издатели рядом примечаний фиксировали внимание с достаточной определенностью (гораздо большей, чем когда бы то ни было в России) на фиктивной личности Клейшботама и на целях, которые преследовал созданием этого образа Вальтер Скотт²⁵). Нельзя забывать, что мы — современные русские

читатели — читаем В. Скотта совершенно в ином виде, чем читал его Пушкин. — Наконец, о том же читал Пушкин и на страницах французских журналов ²⁶).

Преыдушие цитаты должны показать тот фон, на котором пришлось выступить с подобным же приемом сначала Пушкину, потом Гоголю.

Характерно, что зоркими современниками эта связь была указана совершенно отчетливо и несомненно именно по поводу Пушкинских «Повестей Белкина» и «Вечеров на хуторе» Гоголя. Булгарин, за подписью *Ф. Б.*, писал: «Сперва подражатели Бейроничали, теперь Вальтер Скоттничествуют с важностью, которая так смешна, что я даже не умею выразить этого! Вальтер Скотт прославился под вымышленными именами, которые, наконец, слились в прозвание великого незнакомца, *le grand inconnu*. И у нас начали с этого!.. «Автор скрывает свое имя под вымышленным прозванием и просит приятелей своих объявлять великую тайну на каждой почтовой станции, а журналистам позволяет догадываться и в догадках проносить свое настоящее имя. После этой проделки начинается дело» ²⁷).

Что проделки имеют в виду именно Пушкина и Гоголя я вижу из того, что в следующем номере в продолжении той же самой статьи тот же *Ф. Б.* пишет У(шакову?): «Читали ли вы Повести Ивана Петровича Белкина? Прочтите это *chef-d'oeuvre*, совершенство, прелесть, чудо». Вот что говорили мне некоторые литераторы, по возвращении моем в столицу. «Прочел в один вечер и не нашел ни чуда, ни совершенства, ни *chef-d'oeuvre*, но несколько анекдотцев (из коих некоторые давно известны), рассказанных весьма приятно...» И через несколько строк сообщает: «Книги «Вечера на хуторе близ Диканьки» я не успел еще прочесть. Прочел предисловие (курсив мой. Очевидно именно здесь и замечена В. Скоттовская проделка! *Д. Я.*) — и утомился...»

В № 255 (за тот же год) «Северной Пчелы» в рецензии на Повести Белкина (анонимной) подчеркивается также «проделка»: «В предисловии описывается жизнь автора, умершего в цвете лет, но, вы красавицы... не ахайте об нем и не смущайте дух! У поэта, которому довелось издавать сии рассказы есть, говорят, еще препорядочный запасец сочинений покойного его приятеля».

Из всего приведенного, думается, ясно, что и сам Пушкин и современная ему критика ясно ощущали связь у него и Гоголя с приемом Вальтер Скотта. Вся сложная сеть литературных и жизненных мистификаций последнего была, конечно, прекрасно известна Пушкину, помимо сочинений своего любимца и русских журнальных статей о Скотте, имевшему в своей

библиотеке много сведений о биографии «чародея»²⁸). Вместе с тем у Пушкина был целый ряд сложных мотивов психологического характера, толкавших его еще раньше и совершенно независимо от В. Скотта по тому же пути литературного псевдонима — мистификации. В этом отношении Пушкин родственен шотландскому поэту. Творческая игра, маскировка, опущенное и поднятое забрало также и его любимая атмосфера и детали В. Скоттовского приема только одно из последних звеньев в собственном органическом, Пушкинском, пути того же направления²⁹).

Мистифицируя, Пушкин с напряженной пристальностью останавливался на вопросе и о чужих литературных мистификациях — интерес к Макферсону с его Оссианом; к прodelке Меримэ; соображения Пушкина в 1831 г. о мистификации Сент-Бёва; в 1834 г. о мистификациях Чаттертона (Замечание на Песнь о полку Игореве); о невозможности мистификаций по поводу Джона Теннера. Материал об упомянутых английских мистификаторах мог сделаться известным Пушкину, как мне кажется, прежде всего из того же В. Скотта. Знал он и о мистификациях В. Ирвинга и об анониме Бульвера.

Пушкин, так же как В. Скотт, мог бы сказать о себе, что обладает особым «органом тайны».

Чрезвычайно любопытно также сравнить строфы XIX—XX «Домика в Коломне» с послесловием В. Скоттовского «Веверлея» — этой «декларацией анонима», по выражению французских издателей:

Пушкин:

«Здесь имя подписать я не
хочу...»
«Покаместь можете принять
меня
За старого обстрелянного
волка,
Или за молодого воробья,
За новичка, в котором мало
толка.
У вас в шкапу, быть-может
мне, друзья,
Отведена особенная полка—
А может-быть впервой хочу
послать
Свою тетрадку в мокрую печать.
Ах, если бы меня под легкой
маской,
Никто в толпе забавной не узнал...»

В. Скотт:

«Предоставляю публике отгадать причины, заставившие меня скрыть свое имя, впрочем, по крайней мере по моему мнению, имя не прибавляет достоинства сочинению.

Может быть я новичок в Литературе и не хочу принять непривычного названия Автор, или стыжусь, что часто уже надоедал публике и прибегаю к таинственности для большей занимательности.

Может быть я принадлежу к такому важному званию, в котором унижительно быть романистом или живу в большом свете, где всякое покушение авторствовать кажется педантством.

Может быть я еще так молод, что рано называться писателем, или так стар, что пора отказываться от этого названия»³⁰).

Влиянием иностранной литературы, игнорируя психологические и общественные стимулы, объяснила современная Пушкину критика по поводу «Повестей Белкина» его псевдоним: «Помнится в «Северной Пчеле» было сказано несколько слов о забавном подражании наших литераторов нынешней моде французской и английской. Во Франции и Англии выдают ныне книги на половину без подписи имен, или с подложными именами сочинителей. И у нас стали делать то же: являются беспрестанно анонимы и псевдонимы, но то, что у англичан и французов происходит от избытка силы, то у нас пустое обезьянство. Многие сочинители наши могут подписывать и не подписывать имена свои и все-таки останутся—*anonymes dans les deux cas*, по выражению А. де Виньи. Этот И. П. Белкин, этот издатель сочинений его, который подписывается буквами А. П. и о котором в объявлении книгопродавцев говорят, как о славном нашем поэте, не походят ли они на дитя, закрывающее лицо руками и думающее, что его не увидят»³¹).

По следам Скотта и Лакруа развевалась эпидемия псевдонимов... Еще в 1824 г. кн. П. Вяземский напечатал в виде предисловия к «Бахчисарайскому Фонтану» анонимно свой «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» и по поводу анонима возгорелась полемика. М. А. Дмитриев во «Втором разговоре» выступил также анонимно³²). Вяземский ответил статьей «О литературных мистификациях»³³). Еще тогда он писал: «С некоторого времени мистификации вошли в моду в кругу нашей литературы и бедные читатели не знают кому и чему верить...» На это Дмитриев вновь ответил, и его ответ — интересное свидетельство для выяснения вопроса о генезисе псевдонима в России: «Самый легковверный читатель догадается, что Классик, выведенный Издателем на сцену, как лицо, вымышленное, которое имеет такой-то образ мыслей, для противоположности с такими-то мнениями самого Издателя: средство не новое, которым столько раз пользовался В. Скотт в предисловиях к своим романам»³⁴) (НВ. Д. Я.). И, действительно, псевдоним просачивается в русскую литературу в самых разнообразных видах.

Начиная с 1824 г. мы имеем (также как это было в Европе) целый ряд русских книг с предисловием à la В. Скотт, при чем прием временно шаблонизируется, снижаясь до пародии³⁵). Даются даже портреты фиктивных авторов. Впрочем ни одно из подобных предисловий не воспроизводит всей совокупности, всей системы приемов В. Скотта.

Н. Полевой писал о Гоголе: «Едва ли удастся ему поддеть нас на эту штуку. Что у вас за страсть быть Вальтер-Скоттиками? Что за мистификации? Неужели все вы, г.г. сказочники, хотите быть великими незнакомцами? Пишите, сколько

вам угодно, да пишите свое, или хоть не перенимайте чужих ухваток, которые, право, не к лицу вам. Вальтер Скотт умел поддерживать свое инкогнито, а вы г. Пасичник, спотыкаетесь на первом шагу...»³⁶).

Приблизительно то же самое несколько позже (по поводу 2-го издания Повестей Белкина) замечал рецензент «Северной Пчелы»³⁷)—Р. М. «Прежде всего о предисловии. С некоторого времени, во Франции вошло в моду издавать сочинения покойников. Раскрывается собрание повестей—и вот перед вашими глазами длинное «от издателя», в котором рассказано о жизни и трагической смерти настоящего (будто бы) автора. Этим литературным маневром думают возбудить участие и внимание читателя, но едва ли достигают своей цели. Настоящий автор всегда почти бывает известен: французы такие болтуны».

Таким образом, издание повестей под псевдонимом было для современников Пушкина—Гоголя вещь обиденной. Я подчеркиваю лишь то, что Пушкин примкнул к этой традиции, причем, минуя русских подражателей, наиболее приблизился к самому В. Скотту, воспроизведя всю сумму его приемов. Пушкин впервые на русской почве своим предисловием «от издателя» в 1831 г. развил псевдоним в целый художественный образ. Он не только механически приписал повести Белкину, но как бы натянул его на все повести, вовлек отдельные рассказы в единую композиционную раму и дал вместе с тем художественно-самоценные образы Белкина и Ненародовского помещика. Идя с волною современников, Пушкин и здесь оказался впереди этой волны. Критика его времени, чувствуя «некий литературный маневр», не поняла, однако, всей художественной сложности этого санкционированного Пушкиным приема, раскрывавшего широкую дорогу повести Гоголя, Лермонтова, Тургенева.

III.

Перехожу к параллелям Пушкинского предисловия «от издателя» с В. Скоттом. Критикой уже отмечалось, что всюду, подражая Скотту, Пушкин конденсировал его образы («никогда не впадал в монотонность, размазывания и повторения, чего не избег Вальтер Скотт при всем своим огромном таланте»)³⁸), десятки страниц замещая одной, длинноты переплавляя в характерный лаконизм пушкинской прозы. Не характерно ли, что устами одной из своих героинь Пушкин замечает уже в 1830 г.: «Я и в Вальтер Скотте нахожу лишние страницы». Это же бросается в глаза и в предисловии к «Повестям Белкина». Я не могу указать одного определенного произведения Скотта, которому бы Пушкин здесь подражал. Но пристальный анализ

сейчас же обнаруживает, что и здесь у Пушкина могучий конденсирующий синтез приема, разбросанного по всем произведениям Скотта, местами поражающий разительным совпадением деталей, позволяющим говорить о гениальном копировании. Поэтому в своих параллелях я должен буду брать места из разных произведений Скотта (точнее разных предисловий), указывая как они влились в сжатое предисловие русского поэта. Судя по первоначальным конспирациям и предполагаемым переделкам, подпись предисловия прозрачными буквами «А. П.» (тотчас же, конечно, разгаданными публикою) не входила в первоначальный план Пушкина и была сделана позже, вероятно, тогда, когда Плетнев уже читал (а быть-может и печатал уже) текст повестей. Первоначально в замысле Пушкина является только «Мой друг Ив. П. Белкин», «Покойник Белкин, славный малый»³⁹⁾. Затем конъюнктура осложняется: сам Белкин дается через письмо ненарадковского помещика, к которому отсылает издателя племянница Белкина. Этим авторство как бы отодвигается еще на один план от самого Пушкина. Недавно опубликован новый набросок предисловия⁴⁰⁾; комментировавший его Б. М. Энгельгардт приходит к выводу, что у «Пушкина была мысль вывести в предисловии еще одно лицо—почтенного друга», «Но затем он оставил этот замысел и посвятил предисловие, по преимуществу, характеристике самого Белкина». Первой параллелью В. Скотту является само заглавие.

1. Заглавие.

У Скотта: «Tales of my Landlord collected and arranged (reported) by Jedediah Cleishbotham, schoolmaster and parischclerk of Gandercleugh»⁴¹⁾ (Old Mortality). В современном Пушкину русском переводе было заглавие: «Шотландские пуритане, повесть трактирщика, изданная Клейшботемом, учителем и ключарем в Гандер-Клейге»⁴²⁾. Пушкин, овладев к 1830 г. английским, мог обращаться и к подлиннику и к французским переводам. Вероятнее всего читая Скотта по-французски, справлялся по оригиналу.

У Пушкина в издании 1831 г.: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.», при чем А. П. дается так же как издатель («взявшись хлопотать об издании Повестей И. П. Белкина, мы...») Ср. в издании 1834 г. «Повести, изданные Александром Пушкиным»—мистификация отпала.

2. Прием лестницы.

Подобно тому как у В. Скотта находим лестницу:

- а) Рассказчик (трактирщик)
- б) Собираатель (Паттисон)
- в) Издатель (Д. Клейшботам)

и Пушкин дает ту же лестницу, еще осложняя ее одной ступенью в окончательном варианте (четверичное лестничное построение):

- а) Издатель А. П.
- б) Наследница Белкина—Марья Андреевна Трофилина.
- в) Ненарадовский помещик.
- г) Белкин.

Современники Пушкина, как кажется, и последующие исследователи, нигде не отмечали этого сложного построения. В цитированной статье «Северной Пчелы» писали по поводу повестей: «В них нельзя не заметить слова *я*, которое повторяется беспрестанно, почти на каждой странице. Везде Белкин да Белкин, к чему это? Читатель хочет повести, а не Белкина». Из черновых набросков явствует насколько поэту люб был и важен был этот прием отодвигания авторства через введение целого ряда посредствующих лиц. За первой маской, открывалась вторая, за второй третья и только за четвертой просвечивал неясный контур подлинного живого лица. В рукописи начало читалось «Рукописное собрание повестей, предлагаемых ныне публике, доставлено нам М. И. Б., ближайшей родственницей и наследницей покойного автора. Взавшись хлопотать... (постоянный прием в предисловиях В. Скотта ко многим романам). Цель всех этих приемов—внушить читателю убеждение в реальности Белкина, отодвинутого рядом подставных лиц от самого Пушкина, роль которого сводится только к «хлопотам об издании повестей». (В издании 1831 г. «книги».) Писатель отделяется от своей индивидуальности. Это то, что в наши дни К. Фридеман образно определяет как «развертывание посылки»⁴³). И так, Пушкин = А. П., только издатель, сообщающий нам по В. Скоттовскому рецепту «краткое жизнеописание покойного автора». Аналогии этому приему В. Скотта нет ни у одного из его подражателей кроме Пушкина.

3. Роль эпитафий.

Другой объединяющий прием—наличие перед каждой из повестей эпитафий (излюбленный прием В. Скотта), чему Пушкин, судя по его письмам, придавал также большое—больше чем когда-нибудь—значение. Характерно, что к «Выстрелу» эпитафия, в рукописи взятый из «Евгения Онегина», для печати заменен двумя чужими («к «Выстрелу» надобно приискать дру-

гой» письмо Плетневу № 415), очевидно, с целью отвлечь читателя от мысли о самом Пушкине. Выше говорено, что также поступал В. Скотт ⁴⁴⁾. Эпиграфы, очевидно, даны от лица издателя (эпиграф из «Недоросля» ко всем повестям как у Скотта из Сервантеса)—этим опять подчеркивается, что повести, ведущиеся от имени разных рассказчиков, только издаются одним лицом—отличным от автора. (Ср. заключительные строки аналогично построенного издательского послесловия в «Капитанской Дочке»). Пушкин заботится: «Эпиграфы печатать перед самым началом сказки». И вот эпиграфы подчеркивают ту же объединяющую раму, что намечена и заглавием.

4. Реализация формулы отречения.

В. Скотт для убедительности в существовании его фиктивных персонажей дает возможно более реальных, конкретных сведений о каждом из них: факты его жизни, даты, свидетельства знавших его (для большей реальности своего Клейшботама В. Скотт делает его знакомым знаменитого Ватта), документы, счета издержек, письма ⁴⁵⁾—прием потом воспринятый и своеобразно развитый Гоголем. Результатом должна явиться иллюзия: такой-то действительно существовал, ведь известно столько подробностей его жизни, есть люди знавшие его, сообщающие то-то и то-то. Читатель должен не замечать, что факт существования этих последних сам требует доказательства—наивное *argumentum ad hominem*. В самом деле Скотт начинает развивать формулу отречения следующим образом: ...I am not the writer, redactor, or compiler, of the «Tales of my Landlord»; nor am I, in one single iota, answerable for their contents, more or less» ⁴⁶⁾.

Даю точный перевод позднейшего русского издания: «Я не автор, не редактор и не компилятор» «Рассказов моего хозяина» и ни на одну иоту не ответственен за их содержание» ⁴⁷⁾ или в современном Пушкину переводе: ⁴⁸⁾ «Чтобы заставить критиков своих замолчать, то разом зажму им рты, сказав, что я, Джедедия Клейшботем, не сочинитель, не издатель, не собиратель повестей трактирщика, и потому не беру на себя ответственности ни за единую в них букву». Скотт-Джедедая выступает «для справедливой защиты моего покойного друга» (*in justifiable defence of my friend deceased* ⁴⁹⁾)—хозяина; Пушкин—ненарадовский помещик характеризует «Покойного И. П. Белкина бывшего моего искреннего друга и соседа по поместьям».

В. Скотт пишет для тех «кто принесет с собой весы чистосердечия..» «Для них одних собраны эти рассказы, как видно из следующего краткого сообщения («brief narrative»), которое из усердия к истине, присовокупляю к этому предиде-

словлю. «Мой хозяин был...» и т. д. (...Which myzeal forthwith compelled me to make supplementary to the present Proem ⁵⁰). Ср. У Пушкина: «мы желали коным (повестям) присовокупить хотя краткое жизнеописание покойного Автора и тем отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности».

Подобно тому как В. Скотт почти всюду для характеристики мнимого автора, или издателя, вводит целую галерею фиктивных писем, то же делает и Пушкин, приводя письмо ненарадовского помещика: «Милостивый Государь мой *****! Почтеннейшее письмо Ваше от 15 сего месяца получить имел я честь 23 сего же месяца» и т. д. Подпись: «С истинным моим почтением и проч.» «1830 году, Ноября 16, село Ненарадово». Образцов подобных писем в интродукциях к романам В. Скотта не привожу—их много ⁵¹). Характерно и там и тут это обилие якобы точных дат, определение времени и места, официальность обращения и подписи.

5. Характеристика героя.

Вальтер Скотт в своих введениях часто дает характеристику в тоне некрологов, почти официальных справок, иногда с примесью провинциальной задушевности. Так характеризуется им «Старый Смертный» во втором предисловии к «Пуританам»: «Сведения о нем даются в известном порядке—его родители, его служба, женитьба, хозяйство, обстоятельства смерти. В строгой последовательности тоном ответа на анкету: «о времени рождения и смерти, о службе, о домашних обстоятельствах, также и о занятиях и нраве покойного Ивана Петровича Белкина» ведет рассказ и «почтенный муж» из Ненарадова. Подобно тому, как капитану Клуттербуку (предисловие к «Монастырю» ⁵²) смерть его тетки дает возможность поселиться в деревне Кеннаквайр, выйдя в отставку; у Белкина «Смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину». В деревне и тот и другой сталкиваются с литературными занятиями. Описание жизни в деревне у Пушкина совершенно независимо от Скотта. Зато «нрав» Белкина несомненно сильно напоминает предисловие к «Пуританам». Давая в тоне юмористического просторечия сведения об издателе—школьном учителе Клейшботаме (полная характеристика которого может быть восстановлена только из предисловий к разным романам), Скотт там же характеризует и самого рассказчика-трактирщика (хозяина, Landlord'a) чертами очень напоминающими Белкина. «Всем известно, что мой хозяин был человек приятный, остроумный, любимец всей Гусачьей деревни» («It is well known that my

Landlord was a pleasing and a facetious man, acceptable unto the parish of Gandercleugh») Ср. у Пушкина: «искренно любил Ивана Петровича; да нельзя было и не любить молодого человека, столь кроткого и честного».

Совершенно аналогично заявление Скоттовского Джедедаи о беседах трактирщика: «Ему бывало приятно беседовать со мною. Мой разговор вообще солидный и душевспасительный... (... from the pleasure he was wont to take in my conversation, which, though solid and edifying in the main...») ⁵³.

«...Мой хозяин оставался так доволен своими собственными ответами во время таких бесед, что не было ни одного округа в Шотландии и ни одного обычая, о котором бы мы не судили (And so pleased was my Landlord of the Wallace in his replies during such colloquies that there was no districts of our kingdom...») ⁵⁴.

Привожу перевод современный Пушкину. «Думаю, что удовольствие, которое трактирщик находил в беседе со мною, было главною побудительною причиною, заставлявшею его уклоняться в мою пользу от обыкновенной своей привычки требовать расплаты. Беседа наша, отличавшаяся основательностью и назидательностью, уподоблялась зданию тщательно выстроенному и имеющему красивую наружность. Разговор наш бывал так занимателен, что внимавшие нам обыкновенно говаривали, что удовольствие нас слушать стоит кружки пива, но трактирщик мой никогда этой статьи не включал в подаваемый счет» ⁵⁵). У Пушкина: «До самой кончины своей он почти каждый день со мною виделся, дорожа простою моею беседою, хотя ни привычками, ни образом мыслей, ни нравом мы... не сходствовали». Давая положительную характеристику трактирщика, реабилитируя своего «покойного друга», Скотт-Джедедай сообщает: «Утверждаю, что мне никогда не приходилось видеть и пробовать ни одного стакана незаконной aqua vitae в доме моего трактирного хозяина» («I tell him, that I never saw, or tasted, a glass of unlawful aqua vitae in the house of my Landlord») ⁵⁶.

В переводе Соца, 1824 г.: «Могу уверить его, что под Валласовым Гербом не продавалось ни капли водки....» У Пушкина: «Иван Петрович вел жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств; никогда не случилось мне видеть его навеселе (что в краю нашем за неслыханное чудо почитать может)». Известный аналогичный штрих имеется и в отношении к женщинам: «когда у меня делает примечание Клейшботам—служила хорошенькая и стройная горничная Доротея, почтенный лорд Смакава часто останавливался у меня и т. д. («And during the service of my handmaiden Dorothy, who was buxom and comely of aspect, his Honour the Laird Smackawa...» etc. ⁵⁷).

Белкин «к женскому полу имел великую склонность, но стыдливость была в нем истинно девическая».

Далее о Питере Паттисоне «Собравшем рассказы» и тоже покойном, Скотт сообщает: «я и так глубоко скорбел о смерти П. Паттисона, как будто он был мое собственное чадо. Что же касается его бумаг, оставленных на мое попечение (для покрытия издержек на лечение и похороны) то часть их под названием «Рассказы моего хозяина» я счел себя в праве сбыть одному оборотливому книгопродавцу»⁵⁸) («I did grievously lament when Peter Pattieson was removed from me by death, even as if he had been the offspring of my own loins. And in respect his papers had been left in my care (to answer funeral and deathbed expenses), I conceived myself entitled to dispose of one parcel there of entitled, «Tales of my Landlord», to one cunning in the trade (as it is called) of bookselling») ⁵⁹).

В русском переводе 1824 г. было опущено промежуточное лицо английского текста—собиратель рассказов трактирщика, учитель Питер Паттисон (собственно по своей роли ближе всего соответствующий Белкину) и вышеприведенные строки, у Скотта относящиеся к Паттисону в русском переводе прямо отнесены к трактирщику: «Увы! умер этот добрый трактирщик; я сожалею о нем, как о собственном своем произведении. Дети его, мои ученики, (?) отдали мне на рассмотрение бумаги его, и я нашел в них множество повестей, одна за другой любопытнейших. Я хотел было напечатать все вместе; но книгопродавец...»

У Пушкина и здесь находим сжатое соответствие: «Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся...» Отмечу также, что соответствующий прием дан у В. Скотта в «Каннонгетских хрониках»—книге, конечно, нужно думать, известной Пушкину, как уже упомянуто. Еще князь П. А. Вяземский останавливался на них гораздо раньше, отмечая в своей «старой записной книжке» их содержание и «довольно замысловатое предисловие»⁶⁰). Трудно думать, чтобы они остались неизвестными Пушкину, так прекрасно знавшему всего В. Скотта, тем более, что «Пертская Красавица», реминисценции из которой у Пушкина твердо установлены, находилась первоначально в «Chronicles of the Canongate» (тоже и во французских переводах). Цитирую это место из Скотта по переводу Пушкинского времени: «женщина скромная и достойная оставила мне некоторые материалы, кои мне чрезвычайно хотелось получить, когда я слышал от нее в разговорах подробности оных, и теперь, когда они находятся у меня кратко написанные собственною ее рукой, я почитаю их гораздо драгоценнее всего, что я сам могу представить публике». «Одна

часть моих материалов, не считая тех, о коих я уже говорил, доставлена была мне друзьями, кои или умерли, или находятся в живых», ⁶¹⁾ и т. д. На это же место ссылается сам В. Скотт в предисловии к «Эдинбургской темнице», которую Пушкин уже несомненно знал. О самом способе приготовления к печати и о сущности рассказов одинаково сообщает и Скотт и Пушкин: Первый: «В заключение должно привести еще лишь одно замечание. П. Паттисон, готовя эти рассказы для печати, больше руководствовался своей собственной фантазией, чем точностью их содержания. Например, иногда он смешивал два-три рассказа вместе, единственно для прикрасы завязки. Я хотя осуждаю такие неточности и возмущаюсь ими, однако, не позволил себе исправления их, из уважения к воле покойного друга, желавшего, чтобы его рукопись была отдана в печать без сокращений или изменений. Конечно, это только одна странная фантазия со стороны автора» ⁶²⁾.

Точно так же сведения о способе написания повести дает Пушкин. Чрезвычайно любопытно, что в русском переводе 1824 г. это место опущено. (Не исходил ли в данном случае Пушкин из английского оригинала? Во всяком случае, остается или французский или английский источник.) У Пушкина находим «Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большей частью справедливы и слышаны им от разных особ. Однакож имена в них почти все вымышлены им самим, а названия сел и деревень заимствованы из нашего околотка, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от какого-либо намерения, но единственно от недостатка воображения.

Наконец, почти в одних и тех же словах вводится еще один прием «усложнение лестницы»: чтобы отодвинуть авторство еще далее каждая повесть приписывается определенному рассказчику (то же у Гоголя в «Вечерах»). В. Скотт: «Итак, любезный читатель, прощаясь с тобою, предупреждаю, что перед каждым рассказом будет помещаться коротенькое введение (schort introduction), упоминающее о личностях, собиравших для него материалы, и об обстоятельствах, при которых воспользовался ими автор. (So, gentle reader, I bid you farewell, recommending you to such fare as the mountains of your own country produce; and I will only farther premise, that each tale is preceded by a schort introduction, mentioning the person by whom, and the circumstances under which, the materials there of were collected» ⁶³⁾.

Пушкин заимствует и этот прием, развивая его по-своему: «В самом деле, в рукописи г. Белкина, над каждой повестью

рукою Автора надписано: Слышано мною от такой-то особы (курсив Пушкина) (чин или звание и заглавные буквы имени и фамилии). Выписываем для любопытных изыскателей: Смотритель рассказан был ему титулярным советником А. Г. Н. Выстрел подполковником И. Л. П. и т. д.

Упомяну, что последний прием знаком был также Пушкину из «Адольфа» Б. Констана, перевод которого за год перед этим был поднесен Пушкину Вяземским: («Я не переменял ни слова в подлиннике: даже собственные имена утаены не мною; они, как теперь, означены были одними заглавными буквами») ⁶⁴).

IV.

Характерно, что те же самые приемы письма можно найти у Пушкина в 1830 г. и в «Истории села Горюхина», как известно органически единой с повестями Белкина. Ср. в черновике «От издателя»: «Здесь выпущен довольно длинный отрывок», а также упоминание «Горохина»—родины Белкина. Отмечу введение письма (старосты). Также, кажется мне не без влияния Вальтер Скотта (вопрос о чем совершенно и не ставился исследователями Горюхина) и самое юмористически—серьезное поставление в центр рассказа—неведомого села, использованное потом Гоголем. У В. Скотта: «Жизнь в Гусачьей деревне более благоприятствовала мне к приобретению познаний, чем расширение взглядов на нравы и обычаи современного поколения... Гусачья деревня была и есть центральный пункт и, если можно так выразиться, пуп нашего родного государства—Шотландии; так что кто из какого бы ее уголка ни ехал зачем-нибудь в нашу административную столицу, под которой разумею Эдинбург, или столицу торговую, как называется Глазго,—все и каждый сплошь и рядом вынуждены останавливаться и ночевать в Гусачьей деревне» ⁶⁵).

(«My situation at Gandercleugh hat been more favourable to my acquisitions in learning than to the enlargement of my views of the ways and works of the present generation...» «Gandercleugh is, as it were, the central part the navêl (si fas sic dicere) of this our native realm of Scotland...» etc.) ⁶⁶).

Не от Вальтер Скотта ли—создателя «Каннонгетских летописей»—заимствовал первоначально Пушкин идею «Истории села Горюхина» с его знаменитыми «летописями»? Несомненное сюжетное сходство начала, тон рассказа, детали, связь с предисловием «от издателя» позволяют догадываться, что «История села Горюхина» была задумана тоже как предисловие к прозаическому произведению подобно «Посланию (фиктивного) капитана Клютербюка к автору Веверлея вместо введения» к Скоттовскому «Монастырю», русский перевод которого вышел еще

в 1829 г. ⁶⁷⁾. Этой гипотезой объясняются и заключительные строки «Истории села Горюхина»: «приступим теперь к самому повествованию» ⁶⁸⁾. Мне кажется среди источников села Горюхина должен быть поставлен и В. Скотт. В самом деле и там и тут действие ведется от первого лица, начинается с предварительной мотивировки написания, дается краткий биографический очерк жизни героя в виде воспоминаний его. Соображения о «выборе звания», военная служба, возвращение в деревню, находка там рукописей, описание Горюхина—все это разворачивается в последовательности, тоне и деталях, напоминающих В. Скотта, опять-таки сжатого, перенесенного в гущу русской жизни, на фоне которой Пушкин уже творит самостоятельно и переходит к пародиям на русских историков. Приведу некоторые примеры, давая перевод из Скотта в современном Пушкину издании 1829 г.

У Скотта:

«Прежде нежели я вам сообщу мой манускрипт, надлежит рассказать вам свою историю, которая не будет продолжительной...» (стр. 4). («You shall have my history, sir, ... before that of my manuscript»)

Далее в почти буквальном русском переводе:

«я никогда не мог понять, что руководило меня при выборе звания... тогда как мои опекуны и попечители хотели отдать меня в ученье к старому Давиду Стайлсу, Эдинбургскому прокурору» ⁶⁹⁾

Самодовольство неуча характеризуется так:

«Лавочник (только один и был у нас в деревне) казался довольно спокойным за своей конторкой, но когда кто-нибудь являлся покупать приходилось перерывать всю лавку, чтобы найти аршин муслина, мышеловку, унцию полевого тмина, пачку булавок, проповеди мистера Падена или жизнь Укротителя Великанов, а не истребителя великанов, как вообще неправильно говорят и пишут (смотрите мое ис-

У Пушкина:

...«Если Бог пошлет мне читателей то может-быть для них будет любопытно узнать каким образом решился я написать историю села Горюхина. Для того должен я войти в некоторые предварительные подробности...»

«Звание литератора всегда казалось для меня самым завидным...»

В 1812 году повезли меня в Москву и отдали в пансион Карла Ивановича Мейера...

...«во всем доме кроме Азбуки, купленной для меня, календарей и Новейшего Письмовника никаких книг не находилось. Чтение Письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые незамеченные красоты. После генерала... у которого Батюшка был некогда адъютантом, Курганов казался мне величайшим человеком. Я расспрашивал о нем у всех и, к сожалению, никто не мог удовле-

следование об истинной жизни этого героя, подвиги которого до такой степени искажены в баснях»⁷⁰).

Далее следует попытка литературства и военная служба:

«...Таковая праздность показала мне столь приятную, что я решился употребить все свои молодые таланты, чтобы сочинить стихи на сие звание, которое хотел показать в блестящем виде⁷¹), надо было⁷²) пройти сквозь чистилище действительной службы. Капитан Дулитль мог чистить свое голубое с красным платье, но мог и оставить его в пыли, а прапорщик Клуттербук не имел свободы такого выбора; капитан ложился спать в десять часов и его никто не беспокоил, а прапорщик должен был вставать и обходить дозором; Дулитль мог оставаться в постели до полудня, если это доставляло ему удовольствие, а Клуттербук должен был являться на ученье с рассветом: Я уклонялся от своих обязанностей насколько было возможно, с грехом пополам знал службу и во всем полагался на сержанта...» (XXV).

У Скотта:

«Наконец смерть старой тетки, оставившей мне полторы тысячи фунтов, хорошо помещенных по 3 процента, дала мне случай выйти в давно желанную отставку с видом иметь возможность 4 раза в неделю надевать чистую сорочку и истрачивать гинею: Чтобы начать новый род жизни, я выбрал своим местопребыванием деревню Кеннаквейр...»⁷³). Я надеялся... найти здесь⁷⁴).

творить моему любопытству, никто не знал его лично, на все мои вопросы отвечали только, что Курганов сочинил новейший Письмовник; что твердо знал я и прежде. Мрак неизвестности окружал его как некоего древнего полубога; иногда я даже сомневался в истине его существования. Имя его казалось мне вымышленным и пустою мифою, ожидавшею изыскания нового Нибура...»

...«дерзкая мысль сделаться писателем поминутно приходила мне в голову... К стихам я приобрел некоторый навык, переписывая тетради, ходившие по рукам между нашими офицерами...»

В сие время определился я юнкером в ** пехотный полк, в коем и находился до прошлого 18..года. Пребывание мое в полку оставило мне мало приятных впечатлений.

У Пушкина:

«Смерть дражайших моих родителей, воспоследовавшая почти в одно время, принудила меня подать в отставку и приехать в мою вотчину. Сия эпоха жизни моей столь для меня важна...»

Я, однако, не замедлил убедиться, что отдых без дела далеко не весел, сделавшись полным властелином моего времени, я стал находить, что оно тянется слишком медленно.

(Далее после попыток ужения рыбы, охоты, чистки ружья и часов Скоттовский капитан переходит, подобно Онегину, к книгам.)

«Тогда я набросился на книги, не пропуская ни романов нашей маленькой библиотеки для чтения, ни серьезных сочинений, которые мои мудрецы-сограждане получают по подписке. Но ни легкое чтение романов, ни трудно переваримое содержание ученых книг не удовлетворяло меня: я засыпал...»

Наконец принял я наследство и был введен во владение вотчиной. Я успокоился; но скоро скука бездействия стала меня мучить

«Занятия хозяйственные были вовсе для меня чужды.—Разговоры кормилицы моей, произведенной мною в ключницы и управительницы, состояли счетом из 15 домашних анекдотов, весьма для меня любопытных, но рассказываемых ею всегда одинаково, так что она сделалась для меня другим новейшим Письмовником, в котором я знал на какой странице, какую найду строчку. Настоящий же заслуженный Письмовник был найден мною в кладовой между всякою рухлядью в жалком состоянии. Я вынес его на свет и принял было за него, но Курганов потерял для меня прежнюю свою прелесть. Я прочел его еще раз и больше уже не открывал.»

Далее бенедиктинец приносит Клуттербуку рукопись XVI века, сообщая «Дядя мой начал эту работу, а я окончил ее отчасти для упражнения в английском языке, а отчасти для того, чтобы развлечь себя в грустные минуты. Вы легко узнаете, что написано каждым из нас, потому что вторая часть, обработанная мною, касается других лиц и относится к другой эпохе» ⁷⁵⁾. Белкину точно так же ключница приносит рукописи—летописи, начатые прадедом его, записки деда, бабки и пр. После палеографических изысканий Белкин «составляет историю», капитан заботится об издании рукописи. Далее следует сама летопись, «Страна, Горюхиным называемая», и т. д. У Скотта: «Деревня, описываемая в рукописи бенедиктинца под именем Кеннаквайра» ⁷⁶⁾ и т. д. Далее следует географическое и этнографическое описание: Реке Твийд соответствует «река Сивка». Скотт сообщает о «части страны, заселенной дикими племенами и баронами-грабителями», представившей «печальную картину хаоса, грабежа и разбоя», Пушкин рисует «владения вольных хлебопашцев-соседей беспоконных, известных буйною жестокостию нравов». Скотт дает последовательное описание полей: «Сверх того община владела обширными лугами, покрытыми густою травой, где в течение лета паслись стада под надзором городского пастуха...» описание жителей: «Неприятелю не легко было проникнуть в деревню, так как мужчины хорошо владели луком

и огнестрельным оружием...» Пушкин: «Издревле Горюхино славилось своим плодородием и благотворенным климатом. На тучных его нивах рожь, овес, ячмень и гречиха рождаются» и т. д. «Мужчины... храбры, воинственны. Многие из них ходят одни на медведя и славятся в околотке кулачными бойцами» и т. д. Скотт заканчивает первую главу «Монастыря» юмористическим штрихом: «Что же касается до их умственного развития, то положительно можно сказать, что их питание превосходило их образование, если бы даже они и ели хуже, чем это было в действительности». Пушкин заканчивает: «Науки, искусства и поэзия издревле находились в Горюхине в довольно цветущем состоянии». Наконец, во второй главе Скотт пишет: «Так как Глендеарг не отличался многолюдством смертных обитателей, то суеверие, чтобы вознаградить его за это лишение, населило его существами из другого мира. Преимущественно после осеннего равноденствия, когда бывают такие густые туманы, что трудно различать предметы, здесь часто видали, дикого, своенравного смуглого человека болот, истого потомка северных карликов» 77). У Пушкина находим разительное совпадение и с этой деталью, конечно, переведенное в русский колорит:... «к востоку примыкает она к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздастся лишь однообразное кваканье лягушек, и где суеверное предание предполагает быть обиталище некоего беса». В. Скотт, давая шотландское название этого уголка болота, разъясняет в духе шотландских баллад, что «существа эти только случайно делают добро... а в большинстве случаев причиняют вред». Пушкин делает NB: «Сие болото и называется Бесовским. Рассказывают, будто одна полоумная пастушка стерегла стадо свиней не далече от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Гла с народный обвинил болотного беса, но сия сказка недостойна внимания историка и после Нибура непростительно было бы этому верить».

Указанные параллели, мне кажется, бросают некоторый свет на часть темного вопроса об «Истории села Горюхина» — она, подобно Скоттовским предисловиям, объединенным личностями одних и тех же героев, — набросок предисловия к какой-то прозаической вещи от этого и вновь фигура Белкина. Так Клуттербук мелькает в предисловиях к разным романам Скотта («Веверлей», «Монастырь», «Нигель», «Певериль» и др.).

V.

Возвращаюсь к предисловию «От издателя».

До сих пор я указывал ему параллели, главным образом, в предисловиях к «Веверлейским новеллам». Укажу параллель

чрезвычайно характерной детали во Вступлении к «Приключениям Нигеля» («Судьба Найджеля») («The fortunes of Nigel»). Этот роман вместе с интересующим меня предисловием (Introductory Epistle) был выпущен Скоттом 30 мая 1822 г. ⁷⁸⁾. На русском языке появился перевод 1829 г. с опущенным предисловием ⁷⁹⁾, при чем тогда же Полевой сомневался, «чтобы Нигель был переведен с Английского». В переводе на французский язык «Приключения», вместе с предисловием появились, однако, еще в 1822 г. ⁸⁰⁾. Таким образом, в настоящем случае может быть речь только об обращении Пушкина в 1830 г. либо к оригиналу, либо к французскому переводу. В этом предисловии капитан Клуtterбук спрашивает «автора Веверлея»: «Позволите ли вы мне рассказать анекдот из жизни моей добрейшей бабушки? Автор: Мне кажется, это мало относится к делу, которое нас занимает, капитан Клуtterбук. Капитан: Но соглашаясь со словами Бейса, почему же бы и не внести этот анекдот в наш диалог?» ⁸¹⁾. И дальше дается анекдот, при чем капитан замечает: «не воспользоваться ли этой легендой для введения к 3-м найденным Драмам, не так ли? («Had you not better reserve this legend to form an introduction to «Three Recovered Dramas», or so?»).

Пушкин, правда, не вводит еще здесь анекдота в текст своего предисловия, но не оставляет и этот новый прием В. Скотта без внимания, делая примечание: «Следует анекдот, коего мы не помещаем, полагая его излишним; впрочем, уверяем читателя, что он ничего предосудительного» и т. д. Этот намек на возможность введения анекдота в повесть, столь важный потом для Гоголя, едва ли не впервые в русской литературе брошен здесь Пушкиным. Наконец, еще любопытней, как одно из первых звеньев в целой цепи композиционных подражаний в русской литературе, следующий эпизод из тех же «Приключений Нигеля», как мне кажется, тоже навеянный Пушкину «пищей души» — чтением Скотта.

Прием находки произведения ⁸²⁾.

Еще в предисловии к «Монастырю», выше анализируемом, Скотт писал в «Ответе автора Веверлея капитану Клуtterбуку» (здесь же упоминается и Клейшботам), вскрывая распространенный в Западной Европе прием романистов (цитирую по современному Пушкину переводу «Монастыря»): «Один прогуливается по берегу моря, и благоприятная волна выбросила к ногам его маленькую цилиндрическую шкатулку, содержащую в себе манускрипт, очень поврежденный морскою водой, и который, однакоже, он мог разобрать. Другой вошел в лавку купить фунт коровьего масла и бумага, в которую оно было завер-

нуто, содержала сочинения Кабалистические. Третий был счастлив, наняв комнату у одной женщины, в которой находилось бюро, принадлежавшее одному из ее жильцов и в ящиках того бюро он нашел бумаги очень любопытные; каждое из сих приключений очень возможно, но я не знаю почему этого ни с кем не случается, кроме издателей вашей страны»⁸³). Вскрыв сущность этого приема Скотт сам не переставал им пользоваться, почти всегда придавая ему юмористическую окраску: «Моя хозяйка никогда не давала мне других рукописей, кроме ее проклятых счетов и... открытие самое интересное, которое я сделал, была страница из моих романов, которую обернут был фунт табаку» (там же, 59). Здесь для Скотта характерно это сопутствующее приему находки сопоставление серьезного материала и несерьезности его употребления⁸⁴). То же находим в следующем месте предисловия к «Приключениям Нигеля». Даю современный перевод: «Автор» рассказывает о «кухарке моего приятеля... которая умела отлично печь блины... она служила у м-ра Варбуртона». «Он был страстный любитель коллекций, но, увы, слишком нерадивый хранитель одного из величайших собраний известных старинных драматических произведений, из которых у многих остались только заглавия, украшающие вступление к творениям *variogum* Шекспира. Да, незнакомец, эти самые злосчастные руки предавали пламени множество томов *in quarto*, которые если существовали бы теперь, то, наверное, вскружили бы головы всем членам Роксбургского Клуба, эти злосчастные пальцы опаливали на огне жирных птиц и вытирали грязные столы погибшими творениями Бомона, Флэтчера, Массингера, Джонсона, Вебстера, да, что я говорю, даже самого Шекспира»⁸⁵) (курсив мой, Д. Я.).

Комизм несоответствия ценности материала (ценная рукопись на блины, Шекспир на potrzeby кухарки) подчеркнут далее: «Как у всякого почитателя старинного театра, мое любопытство разгорелось, когда я услышал, что пьесы, принадлежавшие к прежнему репертуару и интересовавшие многих, попали в число жертв всеожожения в руках этой ужасной женщины. Неудивительно, что... я заглушил в себе страх и неистово крикнул: О, негодная женщина. Но только я произнес эти слова, как Бетти замахнулась на меня своей кастрюлькой...» И далее: «Там внизу в подвале, куда никто не ходит уже давным давно, лежат, покрытые жиром и грязью, отрывки этих старинных драм, не вполне подвергнувшихся разрушению».

Капитан Клулттербук предлагает внести этот эпизод в повесть. Мы знаем, что Пушкин воспользовался этим советом троекратно:

1) «Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлую зимою все окна ее флигеля заклеены были первою частию романа, который он не кончил».

Отмечу здесь же, что Гоголем этот же прием (еще ближе к Скотту) дан в предисловии пасичника к «Шпоньке»: «Вот замечаю я, что она пирожки печет на какой-то бумаге. Пирожки она, любезные читатели, удивительно хорошо печет; лучших пирожков вы нигде не будете есть. Посмотрел как-то на сподку пирожка, смотрю: писанные слова как будто сердце у меня знало; прихожу к столу — тетрадки и половины нет! Остальные листки все растаскала на пироги. Что прикажешь делать? На старости лет не подраться же!»

2) В «Истории села Горюхина»: «Нечаянный случай разрешил мои недоумения. Баба, развешивая белье на чердаке, нашла старую корзину, наполненную щепками, сором и книгами... Ключница моя в то самое время, как я сидя за моей тетрадью грыз перо... с торжеством втащила корзину в мою комнату, радостно восклицая: книги, книги» и т. д. Там же, несколько иначе:

«Летопись Горюхинского дьячка. Сия любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатого на дочери летописца. Первые листы были выдраны и употреблены детьми священника на так называемые змеи. Один из таковых упал посреди моего двора; я поднял его и хотел было возвратить детям, как заметил, что он был исписан. С первых строк увидел я, что змей составлен был из летописи. К щастию успел спасти остальное. Летопись сия, приобретенная мною за четверть овса, отличается глубокомыслием и велеречием необыкновенным!». Ср. у Вальтера Скотта: «Описание этого путешествия лежит у меня в гостиной для забавы посетителей и кто-то уже вырвал из него два листа»⁸⁶). Несомненно, что Пушкин руководствовался здесь либо русским, либо английским изданием, но не французским, в котором находим лишь... «et la relation de ce voyage est dans mon salon pour l'amusement de mes hôtes»⁸⁷). Тогда как в англ. изд. 1830 г.: «for the amusement of my guests, with the two boards torn off»).

Не без связи с этим В. Скоттовским приемом, думается мне, появился и в «Капитанской Дочке» (к которой, как теперь выяснено, также предполагалось отдельное предисловие — письмо)⁸⁸), знаменитый мочальный хвост, прилаживаемый Петрушкой к мысу Доброй Надежды (Географическая карта — на змей).

«Прием находки» сам по себе можно встретить в русской литературе и до влияния Скотта (например, «папилиот» из листа «Собеседника», найденный «между сору» в «Былях и Не-

былицах» Екатерины). Быть-может, порой он вносился в литературу просто из быта. Но только со времени влияния В. Скотта этот прием появляется неминуемо всюду, где имеется это влияние, как только речь заходит о фиктивном герое, являясь как неизбежная составная часть всего сложного приема. Укажу в фельетоне «Московского Телеграфа» — пакет писем, поднятый на улице (с упоминанием В. Скотта)⁸⁹). В одной «Литературной газете» за 1830 г. можно указать несколько примеров («Рукопись, найденная в бумагах Тяжалкина»⁹⁰). Находка дамского ридикуля с письмами в «Монастырке» Антония Погорельского. По поводу последней Вяземский там же писал: «Эти авторские маски у нас похожи на простосердечные хитрости семейных маскарадов, в которых долго интриговать не можно»⁹¹). В № 17 (22 марта) «Отрывок из журнала доктора» (находка карманной книжки с дневником⁹²) и т. д.

Но, повторяю, только у Пушкина «прием находки» (притом в наиболее близкой к В. Скотту форме) повторяется на фоне всей системы приемов В. Скотта. Санкцию этому приему у нас дал впервые несомненно Пушкин.

Мне представляется, что вновь указанные мною следы влияния Вальтера Скотта на предисловие к «Повестям Белкина» и «Историю села Горюхина» бросают свет на перенесение Пушкиным даже и композиционных Скоттовских тем на русскую почву.

Курьезно, что подобно тому как Вальтер Скотт вынужден был по поводу спекуляции лондонских книгопродавцев, издавших продолжение «The tales of my Landlord», заявлять в примечании к «Монастырю»: «Мне положительно известно, что мистер Клейшботам умер несколько месяцев назад в Гандерклейге, и что лицо взявшее его имя обманывает публику. Настоящий Джедедайя умер вполне по-христиански», — так и Пушкин в октябре 1835 г. пишет Плетневу (№ 612): «Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль, разумеется из-за угла и тихонько, например, в «Московском Наблюдателе» объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего Омонима. Это бы, право, было не худо».

Д. Якубович.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУР И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА
ПРИ ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

ПУШКИН

В МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1926